

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2002

Содержание

1. ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ МЕМЕНТО

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ МЕМЕНТО

После долгого вызванного цензурными ограничениями перерыва две польско-советские войны вновь привлекают внимание исследователей как с польской, так и с советской стороны. О первой из этих войн, символически обозначаемой «1920 год», российские историки (и публицисты) в последнее время писали главным образом в контексте судьбы советских военнопленных – судьбы, которая вроде как «заслужила» на своего рода ответ – на расстрелы в Катыни... Несколько работ из этого ряда претендовало на то, чтобы представить на основании подобной концепции новый синтетический образ той войны: среди наиболее важных следует назвать книги Ирины Михутиной и Николая Райского. Несколько оригинальных и ценных работ, в том числе книги А.П. Исаева и С. Полторака, выходят за рамки этой схемы. Второй польско-советской войне, которую, в свою очередь, символизирует дата 17 сентября 1939 года, посвящено большое количество работ на частные темы и по крайней мере две монографии польских ученых («К. Лишевского» – Р. Шавловского и Ч. Гжеляка), но до сих пор не была предметом сколь-либо обстоятельных исследований, предпринятых российской стороной. Провести их решился наконец московский историк молодого поколения, сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела Михаил Иванович Мельтюхов. Ранее он уже успел опубликовать обширный труд, посвященный самому, пожалуй, «горячему» вопросу русской и советской истории XX века – отношениям Сталина и Гитлера и подготовке обоих диктаторов к войне в 1941 году. Снабженная многочисленными документами и выходящая в сфере интерпретации далеко за рамки принятых «канонов» постсоветской историографии, согласно которым сталинская Россия могла проводить только мирную и «оборонительную» политику, первая книга Мельтюхова, как тогда казалось, свидетельствовала о том, что появился новый компетентный исследователь, готовый защищать оригинальные суждения. Новая монография Мельтюхова, увы,

подтверждает то, что ее автор обладает лишь последней из упомянутых черт.

О оригинальности ракурса, предложенного российским историком, говорит уже то, что он сопоставляет друг с другом оба польско-советских вооруженных конфликта. Для Мельтюхова они представляют собой два этапа, в сущности, одного геополитического конфликта между Россией и Польшей – борьбы за господство над Восточной Европой. Еще точнее: это история второй попытки окончательного разрешения этого конфликта, разделенная на два этапа. Первая попытка, как указывает автор во введении, завершилась в конце XVIII века, когда Речь Посполитая оказалась стертой с географической карты.

Во введении Мельтюхов описывает не только предшествовавшие события, но и формулирует философско-исторические принципы своей работы. Он опирается на теории Льва Николаевича Гумилева, ныне модные в некоторых русских интеллектуальных кругах, особенно резко настроенных против Запада. Скончавшийся десять лет назад географ и историк Великой Степи стал идеологом течения евразийцев, по мнению которых русская (евразийская) цивилизация принципиальным образом отличается от западной, что становится причиной постоянного соперничества между этими двумя цивилизациями. В этой связи российско-польский конфликт приобретает не только геополитический, но и цивилизационный характер: это не что иное, как один из главных фронтов вековой борьбы Запада с Востоком (сначала с Византией, а потом с Россией). Польша выступает в нем, в представлении самого Мельтюхова, сперва как агрессор, который захватывает вплоть до XVII века всё новые и новые «русские земли» и пытается вовлечь их в сферу влияния западной цивилизации. Затем Россия переходит в решительное контрнаступление, выступая в защиту прав православных собратий, которые подвергались преследованиям в Речи Посполитой (к примеру, Барскую конфедерацию Мельтюхов считает не движением в защиту независимости, а лишь проявлением традиционной польской нетерпимости, направленной именно против православных; в его сокращенном очерке польско-русских отношений в XVIII веке не нашлось места ни для оборонительной войны 1892 года, ни для организованной по команде из Петербурга Тарговицы, а участие России в окончательном разделе Польши объясняется коварным прусским шантажом). Логический вывод, который вытекает из этой схемы, которая в том, что касается Польши, напоминает даже не столько идеи Гумилева, сколько суждения,

традиционные для школьных учебников царских времен, звучит следующим образом: на протяжении всей истории многовекового спора России и Польши притеснителем и обидчиком была лишь последняя. Россия не более чем компенсировала исторические обиды – вплоть до того момента, когда ей удалось восстановить политические границы, которые отныне стали проходить вдоль линии «естественного» цивилизационного водораздела, то есть до 1795 года. Этой схемы Мельтюхов придерживается не только во введении, но и во всей книге, в которой в роли представительницы русской цивилизации и государственности выступает советская система.

Несмотря на то, что в последнем абзаце введения автор заявляет, что нравственная оценка не является его целью и что на описываемую им вторую, относящуюся уже к XX веку попытку разрешения польско-российского конфликта он будет взирать сквозь призму более широкой проблемы функционирования версальского порядка и генезиса второй мировой войны и что, наконец, у обеих сторон упомянутого конфликта были свои аргументы, свои «правды», и всё же в конце концов читателю предлагается односторонняя апология «правды» советского государства, которое активно противостояло вновь восстановленной польской государственности.

Книга состоит из трех частей: первая охватывает время с начала русской революции 1917 года до окончания советско-польской войны в 1921 году, вторая посвящена отношениям двух стран в период между двумя мировыми войнами и, наконец, в третьей изображен «сентябрь 1939 года». Относительно двух первых частей исследования представленной проблемы следует, к сожалению, сказать, что авторская некомпетентность просто-напросто бросается в глаза. Разумеется, если принять во внимание всю широту синтетического охвата, то трудно требовать от автора оригинального анализа источников по отношению к целому. Однако в этом случае показателем профессиональных навыков и добросовестности ученого становится способ использования ранее опубликованных источников и литературы предмета. В этом смысле Мельтюхов проявляет, пожалуй, не столько небрежность, сколько прямо-таки компрометирующую его тенденциозность. В первой части в качестве основного «проводника», сопровождающего повествование, использована монография Михутиной, усиленная такими «достижениями» еще советской историографии, как многократно цитируемые труды Николая Кузьмина –

«Крушение третьего похода Антанты» (Москва, 1958) или Павла Ольшанского – «Рижский договор» (Москва, 1969). Из работ польских ученых Мельтюхов удостаивает вниманием лишь довоенный перевод книги Пшибыльского и хронику событий на северо-восточном фронте, составленную Гжегожем Лукомским («Борьба Речи Посполитой за северо-восточные рубежи: 1918–1920», Варшава, 1994) – выбранную непонятно почему среди огромной литературы предмета, появившейся после 1989 года и насчитывающей уже несколько сот библиографических позиций. И это всё – на 218 примечаний, которыми снабжена первая часть «Советско-польских войн». Таким образом, в книге не упомянуты самые важные польские публикации, нет и тех российских публикаций, авторы которых не согласны с принятой Михутиной (и Мельтюховым) линией разоблачения «польских преступлений» 1919–1921 годов, нет никаких работ западных историков (в том числе ни одного упоминания о классических трудах Петра Вандича). Столь же жалко выглядит перечень отобранных документов, которыми пользуется Мельтюхов: преобладают всё еще представляющие некоторую ценность, но препарированные с отчетливой политической тенденцией «Документы и материалы по истории польско-советских отношений», а из многочисленных публикаций источников, которыми в последнее время сильно обогатилась историческая наука, появляется, собственно говоря, только одно (да и его исследователь трактует избирательно) – «Польско-советская война 1919–1920» (Москва, 1994) ... Впрочем, подобной критике можно подвергнуть и остальные части книги, подбор библиографии в которых не оставляет желать лучшего. Так, например, автор вообще не ссылается на ранее упомянутое фундаментальное исследование польско-советской войны 1939 года, принадлежащее перу Р. Шавловского (не знает его?); в разделе о сентябрьской кампании 1939 года обращается к одной единственной польской работе – Т. Юрги. Еще один раз он ссылается на польский текст, когда цитирует воспоминания Владислава Андерса «Без последней главы...». Зато весьма охотно обращается к такой «классике» советской исторической пропаганды, как перепечатка сочинений западных «сочувствующих» (например, «Мюнхенский сговор» Э. Ротштейна, «Как началась вторая война» Л. Мослея), работы В. Поминой («Агрессия фашистской Германии»), И.Д. Кундюбы («Советско-польские отношения»), Д. Клинецкого («Германия и Польша») или К.А. Почса («Санитарный кордон»). Возвратимся, однако, к первой части монографии: итак, здесь Мельтюхов верно следует Михутиной, лишь заостряя присущую ей политическую, но не научную тенденциозность. А это значит, что агрессором в войне 1919–1920 годов

оказывается одна только Польша, находившаяся под диктатурой Пилсудского (с. 19). Красная же Армия «освобождала» литовские, белорусские и украинские земли, которые Польша перед этим «захватила» (с. 20). Война с восточным соседом была нужна Пилсудскому, чтобы «снизить уровень безработицы и социальной напряженности», «захватить материальные ресурсы на оккупированных территориях и объединить польское общество под националистическими лозунгами» (с. 24).

Автор монографии, так же, как и ранее Михутина, не жалеет красок, чтобы обрисовать многочисленные преступления, направленные против мирного населения на востоке, которые, как он полагает, совершали польские войска: он пишет о массовых расстрелах сторонников советской власти без суда и следствия, в том числе о многочисленных убийствах женщин и детей; в качестве типичной иллюстрации он приводит вырванный из контекста фрагмент дневника Михала Коссаковского, из которого следует, что подразделения генерала Антония Листовского убивали малолетних мальчиков только за то, что они «криво усмехались», и даже додумывались до таких изысканных пыток, что зашивали живую кошку в животе живого человека... (с. 25). Ссылка на дневник Коссаковского – это единственная прямая ссылка Мельтюхова на источник, в котором рассказывается о подобных преступлениях. Зато без какого бы то ни было примечания появляется (на с. 39) поистине сенсационное сообщение о расстреле поляками в апреле–мае 1920 года «трех тысяч мирных жителей Ровно», о сожжении целого ряда деревень и о совершенном тогда же (поляками) погроме в местечке Тетиев, где они «вырезали четыре тысячи человек». В остальных сообщениях о якобы совершенных поляками преступлениях в роли единственного источника выступают советские пропагандистские ноты, адресованные западному общественному мнению. Эвристическая верификация этих источников не принадлежит к числу занятий, которые особым образом привлекают автора...

Конечно, преступления во время этой войны совершались – вопрос состоит в том, такие ли, в таком ли масштабе и были ли их виновниками исключительно польские солдаты. Автор, вообще обходя стороной преступления, совершенные советской стороной и запечатленные по горячим следам хотя бы в дневнике Исаака Бабеля, который сопровождал Первую конную армию, спешит поскорее подвести читателя к выводу, который пригодится ему в третьей части книги: в первой польско–советской войне (1919–1920 годов) польская сторона вела себя

так, что сама навлекла на себя своей агрессией и преступлениями заслуженный ответ – судьбу, которая постигла ее во второй польско-советской войне, в сентябре 1939 года, и в последствиях этих событий. В довершение к этому выводу автор приводит типичный для постсоветской историографии (пропаганды) баланс судеб военнопленных времен войны 1919–1920 годов: поляки замучили в лагерях или просто убили непосредственно на линии фронта 60 тысяч советских пленных, в то время как из советского плена вернулись все польские пленные (с. 105). Само собой разумеется, Мельтюхов не представил при этом никаких новых данных, которые на документальной основе подвергли бы сомнению результаты лучшего знатока этой проблематики – Збигнева Карпуса, который установил, что в польских лагерях для военнопленных действительно погибло около 18 тысяч человек – и подобное число (16–20 тысяч) польских пленных не выжило в советском плену.

В политическом плане отголоском той же самой характерной для Мельтюхова тенденции, является то, что он принимает за добрую монету всякого рода советские «мирные наступления» – весной 1919, на рубеже 1919 и 1920 года – и в то же время неизменно изображает польскую политику по отношению к Москве лишь как хитрую игру, под прикрытием которой готовились очередные акты военной агрессии. С точки зрения добротности описания приготовлений советской стороны к решительной расправе с Польшей повествование Мельтюхова представляет собою серьезный шаг назад по сравнению с трудами первых советских военных историков, плеяду которых возглавляли Какурин и Меликов, и даже по сравнению с монографией Михутиной. По мнению молодого московского историка, подобные планы вступили в фазу конкретизации лишь в конце марта 1920 года (с. 33–34) – и, разумеется, были не чем иным, как ответом на угрозу с польской стороны. В категориях «защиты Республики Советов» автор истолковывает даже наступление Красной Армии в направлении Вислы летом 1920 года. В качестве подтверждения этого тезиса прямо используется версия Сталина из его официально изданных «Сочинений» (по изданию 1947 года), согласно которой он, как комиссар наступавшего на Львов Юго-западного фронта был озабочен исключительно «обороной Республики» (с. 72). Если бы Мельтюхов соизволил воспользоваться материалами, которые были опубликованы его российскими коллегами-архивистами, если бы обратил внимание на совершенно иные по тону и по содержанию высказывания Сталина (например, его телеграмму к Ленину от 24 июля 1920 года, в которой он писал, что после разгрома

Польши надо будет «разбудить революцию в Италии <...> и в таких еще неокрепших странах, как Венгрия, Чехия (Румынию надо будет разбить)», или самого Ленина, который еще 12 августа напоминал о том, что «с политической точки зрения архиважно, чтобы добить Польшу». Однако Мельтюхов этими материалами не пользуется.

Не пишет он и об усилиях агентов советской дипломатии (во главе с Виктором Коппом), направленных на то, чтобы наладить эффективное сотрудничество с Германией против Польши. Он ничего не пишет и о том, что во время войны 1920 года на польской стороне мужественно сражались многочисленные отряды Симона Петлюры; тем более не вспоминает он и о формировавшихся под эгидой Войска Польского российских воинских формированиях, которые насчитывали несколько тысяч человек (генерала Бориса Пермыкина, есаула Яковлева); есть только одно упоминание о подразделениях Станислава Булак-Балаховича (без малейшей, однако, информации о том, что они действовали под политическим руководством антибольшевистского движения «Третья Россия» Бориса Савинкова). А всё это потому, что вышеупомянутые факты противоречат общему тезису, согласно которому конфликт 1919–1920 годов был не чем иным, как чисто польско-русской войной – войною, в которой польская сторона, как уже упоминалось, была агрессором, пытавшимся осуществить империалистические планы Пилсудского вопреки всем непольским народностям Восточной Европы. Красная Армия выступает в этой схеме в роли защитницы российских государственных интересов – иными словами, средства, задачей которого было не допустить того, чтобы на европейской политической арене вновь появилась сила, которая угрожала бы русскому господству над Восточной Европой.

Возникает вопрос: почему же Красной Армии не удалось полностью «ликвидировать» эту угрозу уже в 1920 году и почему ей пришлось подождать до 1939-го?

Отвечая на этот вопрос, Мельтюхов вновь обращается к объяснениям Сталина: неудача под Варшавой в августе произошла по вине Главного Командования Красной Армии (Сергея Каменева), которое не воспротивилось ошибочным оперативным расчетам командующего Западным фронтом Михаила Тухачевского (с. 85–87). О политических планах большевистского руководства, которые лежали в основе любых стратегических разработок «военных специалистов», мы не узнаем из книги Мельтюхова практически ничего. Он не

желает признать и какой бы то ни было роли, которую в поражении, нанесенном советским войскам летом и в начале осени 1920 года, сыграла польская сторона. Можно предположить, что согласно его интерпретации Красная Армия проиграла эту войну сама с собою, с ошибками собственного командования. И потому мы не узнаем ничего о стратегических и оперативных разработках польского командования ни в августе 1920 года, ни перед неманской битвой. Красная Армия просто-напросто отступала...

В основе второй части книги лежит раздутая до карикатурных размеров схема, согласно которой Вторая Речь Посполитая была страной упорно культивируемого империализма, который приводил к конфликтам не только с Советской Россией, но и со всеми другими соседями. Здесь появляются такие «перлы», как хотя бы информация о том, что вооруженный польско-чешский конфликт имел место в январе 1920 года (!), а также что на конференции в Спа страны Антанты поделили эту спорную территорию «пополам» (с. 107). Действовавшие по наущению советской стороны и снабжаемые ею оружием отряды, которые сражались с польским государством на его восточных окраинах, представляли, разумеется, «национально-освободительное движение белорусского и украинского населения», а вот сражавшиеся против них и нередко пользовавшиеся поддержкой польской стороны были, напротив, «белогвардейскими бандформированиями» (с. 113). На протяжении всего межвоенного периода автор в первую очередь выслеживает проявления польской агрессии по отношению к более слабым соседям – Литве и Чехословакии, единственным защитником которых был, по мере своих возможностей, Советский Союз (см. с. 143–144, 150–158 и др.).

Со всей характерностью выражает эту тенденцию Мельтюхова заглавие главы, посвященной политическим событиям в Восточной и Центральной Европе на рубеже 1938 и 1939 годов – «По пути экспансии». Из содержания главы совершенно однозначно вытекает, что в этот период речь могла идти только о польском экспансионизме. Любопытным образом дополняет эту картину анализ политической игры, которая велась вокруг чехословацкой проблемы в сентябре 1938 года и которая рассматривается Мельтюховым уже с использованием архивных материалов (из Центрального военного архива в Москве). Автор пытается подтвердить версию, согласно которой советская сторона в то время серьезно намеревалась начать военные действия против стран, совершивших нападение на чехословацкого союзника СССР. Пожалуй, на этот раз он впервые так подробно говорит о тогдашней подготовке

Москвы к войне с Польшей, которая – как считало в то время советское руководство и с чем согласен сам Мельтюхов – в случае немецко-чехословацкой войны могла выступить на стороне Германии, даже против Франции. Описывая невиданную концентрацию войск Красной Армии в Киевском и Белорусском военных округах (здесь было сосредоточено около 7300 танков и 2700 самолетов), Мельтюхов старается доказать, что Советский Союз самым честным образом намеревался выполнить свои союзнические обязательства перед Прагой, а мешала этому лишь капитулянтская позиция Франции (и Англии), отвергнувших предложения советского военного атташе, выдвинутые в середине сентября 1938, в которых говорилось о необходимости нанести военный удар по Польше как по ключевому элементу сосредоточенного вокруг Гитлера агрессивного блока (с. 162–174). Во второй части книги всё повествование, можно сказать, построено вокруг перспективы тесного немецко-польского альянса, направленного против Советского Союза. Автор цитирует выступление давно потерявшего всякое влияние бывшего министра Евстахия Сапеги, которое имело место в 1933 году (с. 133); он повторяет мнение «классика» советской историографии В.Я. Сиполса о том, что Польша вместе с Румынией собиралась в 1938–1939 году отторгнуть от России советскую Украину и Закавказье, что можно было сделать только в союзе с гитлеровской Германией (с. 175–176). Для Мельтюхова такое решение представляется наиболее логичным, и в связи с этим он признает, что советское руководство должно было обратить на него самое серьезное внимание. Возможность создания антисоветской оси «Берлин–Варшава» Мельтюхов считает реальной не только в период до последнего визита министра Бека в столицу Третьего Рейха (в январе 1939 года): подобные предложения он усматривает и после получения британских гарантий для Польши – в знаменитой речи Бека в Сейме 5 мая. Правда, тогда польский министр, по мнению автора «Советско-польских войн», не мог прямо говорить о союзе с Германией – из-за опасения потерять власть в условиях, когда польское общество не поддерживало подобных решений – однако фактически проявлял готовность и в дальнейшем вести переговоры с Берлином (с. 184).

Тот факт, что Москва опасалась польско-немецкого союза, который мог быть заключен даже в последний момент перед сентябрем 1939 года, мог, по мнению Мельтюхова, стать главной причиной принятия ею предложения Риббентропа о начале переговоров, которое было выдвинуто 23 августа (с. 190). Как и все начинания советской политики межвоенного периода, и это – речь идет о пакте Риббентроп–Молотов –

носило чисто защитный характер... (точно так же Мельтюхов оценивает все советско-немецкие договоры межвоенного периода – начиная с Рапалло и апрельского договора 1926 года и кончая подписанным 23 августа 1939 года в Москве пактом).

Следуя и в дальнейшем избранной линии интерпретации событий сентября 1939 года, автор «Советско-польских войн» при рассмотрении пакта Риббентроп–Молотов (которое занимает в книге всего один абзац!) умудрился ни разу не вспомнить о том, что этот пакт предусматривал сотрудничество обеих стран в готовящемся нападении на Польшу. И потому третью часть монографии Мельтюхова открывает глава, озаглавленная «Перед выбором». В ней автор рассказывает о событиях между 1 и 17 сентября и дает понять, что в этот момент Советский Союз совсем еще не определил, какую политику он будет проводить по отношению к Польше; притом он считает, что решение нанести удар по Речи Посполитой не проистекало из договора с Берлином, а было принято в результате предусмотрительного «выбора», совершенного самой Москвой: «Советское руководство не намеревалось бездейственно наблюдать за развитием ситуации в Польше и без каких бы то ни было просьб Берлина начало собственные военные приготовления» (с. 279). Такое объяснение позволяет Мельтюхову представить обоснование нападения Красной Армии на Польшу, выраженное в ноте, которая была прочитана послу Гжибовскому на рассвете 17 сентября – без каких бы то ни было комментариев (с. 297–298).

Само описание подготовки советской стороны к военной агрессии и ход войны можно было бы счесть самой ценной частью работы Мельтюхова, так как он чаще всего использует в ней архивный материал, зачастую и такой, который до него никем не привлекался. К сожалению, крайняя тенденциозность в подборе этого материала и полное игнорирование свидетельств, которые противоречат принятой автором линии аргументации, становится причиной того, что именно эта часть «Советско-польских войн» представляет собой наибольший историографический курьез. Всё дело в том, что Мельтюхов хочет изобразить советские действия как «миротворческую операцию» – именно так он и представляет ее в заключительной главе книги («Действия Красной Армии в Польше можно рассматривать, используя современную терминологию, как миротворческую операцию» – с. 408).

Обоснованием подобных фантастических суждений на уровне политики служит настойчивые уверения Мельтюхова в том, что Советский Союз не был связан никаким союзом с

Берлином, не являлся стороной в конфликте между Германией и западными державами, а лишь защищал собственные интересы самым мирным из возможных способов. С другой стороны, Красная Армия, вторгаясь на земли Второй Печи Посполитой, не совершала агрессии, а совсем наоборот, «возвращала территории, утраченные в результате внешней агрессии [в войне 1919–1920 годов]» (с. 406). И, наконец, доказательством того, что советские операции против Польши не имела агрессивного характера, является для Мельтюхова факт, что западные державы примирились с результатами этих операций и признали их по сути дела действиями, направленными против Германии (с. 355).

Если же речь идет о самом ходе военных действий в сентябре 1939 года и о их непосредственных последствиях, то как доказательство главного тезиса Мельтюхову служит такое их описание, согласно которому было бы вопиющей ложью утверждать, будто бы советская сторона проявляла в ходе их какую-либо жестокость, не говоря уже о преступлениях. Потому-то рядом с информацией на тему разного рода инструкций, которые вменяли красноармейцам в обязанность заботливо относиться к пленным и воздерживаться от каких бы то ни было грабежей (с. 358–359), появляется следующее обобщение: «Поведение советских солдат казалось странным – как правило, они не стреляли первыми, к польским солдатам относились с демонстративной доброжелательностью, угощали папиросами и говорили, что пришли на помощь против немцев» (с. 301). Кое-где – автор перечисляет битвы за Гродно, Вильно, Шацк, Вытычно – имели место регулярные бои, говоря о которых, автор подчеркивает мужество и высокую воинскую выучку конечно же всегда одерживавших победу советских войск (когда речь идет о войне 1919–1920 годов, то лишним оказывается хотя бы один пример подобных заявлений по адресу польского противника). Если случаются преступления – то совершает их польская сторона. Военным преступлениям сентября 1939 года Мельтюхов посвящает целую главу, под заглавием «Изнанка войны». И тут же оказывается, что это прежде всего преступления, совершенные поляками против советских солдат и гражданского населения восточных земель. Так, например, сообщается, что под Скидло польский отряд застрелил 17 гражданских лиц, в том числе двоих мальчиков в возрасте 13 и 16 лет (с. 308); в Ломже входившие в город советские войска обнаружили целых «1600 трупов мирно настроенных жителей» (с. 335). Приводя столь сенсационные данные, автор ни на какие источники и на этот раз не ссылается. Когда речь заходит о преступлениях, которые совершали советские солдаты, Мельтюхов всегда находит для

них оправдание (или это месть за убитого польскими жандармами рабочего, или естественная реакция на вооруженный бунт польских пленных офицеров), а если не находит, то заявляет, что известные случаи самосудов над польскими пленными в сентябре 1939 года всегда влекли за собой весьма суровые наказания, к которым приговаривали виновных органы советской военной прокуратуры (с. 373–381).

Квинтэссенцией суждений Мельтюхова на ход военных операций Красной Армии на землях Второй Речи Посполитой можно считать приводимые им без комментария мнения об этих действиях представителей местного населения, которые были высказаны сразу после их окончания. Так, например, виленский рабочий якобы утверждал, что «Красная Армия относится к местному населению осторожно», а польский крестьянин развил эту мысль следующим образом: «Нам говорили, что Красная Армия и большевики – это варвары, что они срывают иконы в избах, ломают костелы, убивают ксендзов, насилуют женщин. А на самом деле Красная Армия – самая культурная армия из всех, которые проходили через эту землю: даже яблок не трогает. Их угощаешь – а они и тогда не берут» (с. 383). Но дело в том, что Мельтюхов использует выступления, записанные во время «избирательной» кампании по выборам в Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, как выражение подлинных настроений, преобладавших на занятых Красной Армией территориях. Свидетельством тому следующий выдвинутый им тезис: «Результаты этих выборов показали, что подавляющее большинство населения этих территорий соглашалась с установлением советской власти и присоединением их к Советскому Союзу» (с. 384).

А значит, не было советской агрессии, не было советско-немецкого сотрудничества, не было советских преступлений в сентябре 1939 года – всё это еще раз решительно подчеркивает Мельтюхов в итоговом разделе своей книги. Там же помещены его наиболее шокирующие мнения. Такие, как, к примеру, утверждение, что «пакт Риббентроп–Молотов с формальной точки зрения полностью соответствовал польско-советскому договору о ненападении», а в приложенном к пакту тайном протоколе «не была определена никакая антипольская договоренность между сторонами» (обе цитаты – с. 398), или далее: что «утверждение о том, что Красная Армия помогла вермахту разгромить Польшу, не соответствует действительности» (с. 403). Наибольшее беспокойство вызывают, однако, высказывания, которые автор, как бы в добавление к основной теме, посвятил проблеме Катыни и

советских депортаций, имевших место с сентября 1939 года до июня 1941 года. Так вот, по мнению Мельтюхова, в этот период не может быть и речи о какой бы то ни было антипольской политике на завоеванных территориях. Наоборот, начальник Политуправления Красной Армии Лев Мехлис был озабочен прежде всего тем, чтобы защитить польское население от проявлений враждебности со стороны национальных меньшинств, которых ранее угнетали поляки, в первую очередь со стороны украинцев (с. 411–412). Этим благим намерением Мельтюхов объясняет весь смысл депортации: «Это была форма смягчения советским руководством остроты национальной ненависти на новых территориях. Конечно, это было “варварское” средство, но разве лучше было допустить до националистической “расправы” среди местного населения? Не говоря уже о том, что депортация – не расстрел» (с. 415). Мельтюхов тем самым возвращается к мотиву неблагодарных поляков – неблагодарных вдвойне: во-первых, депортируя их в Сибирь или в Казахстан, советская власть спасала их от украинских «резунов», а во-вторых, всего-навсего их депортировала, а могла бы и расстрелять... Что же касается расстрелянных – тех, что оказались в списке, поданном Берией и утвержденным Политбюро ЦК ВКП (б) в марте 1940 года – то Мельтюхов высчитал, что в силу этого решения фактически было расстреляно немногим более 22 тысяч человек. И повторил тезис из первой части своей книги: поляки, дескать, «замучили» 60 тысяч советских военнопленных в 1919–1920 годах. К этому присовокуплены вселяющие ужас слова: «Нам кажется, что эта трагическая тема во взаимоотношениях между нашими народами должна разрешаться на основе взаимности» (с. 416). Значит ли это, что для того, чтобы выровнять этот взаимный баланс, нужно расстрелять еще 38 тысяч поляков?!..

Книга Мельтюхова шокирует. Шокирует так сильно потому, что она предстает перед российскими читателями не как политическая публицистика или пропаганда, а как научный труд, снабженный приблизительно 900 примечаниями и подкрепленный научным авторитетом автора – доктора исторических наук. Шокирует тем более, что в отличие от многих необычайно ценных исследовательских работ и публикаций материалов его книга издается большим, если учесть нынешние условия российского книжного рынка тиражом – 7 тысяч экземпляров. Видимо, существует потребность в подобного рода крайне циничной защите сталинских «государственных интересов».

Но книга Мельтюхова вселяет и надежду – надежду на то, что российская историография (а значит в какой-то степени и русское историческое сознание) всё-таки уже не может вернуться к состоянию, в котором она пребывала тридцать или пятьдесят лет назад. Об этом свидетельствует страстность, с которой Мельтюхов вступает в полемику со своими коллегами – исследователями польско-российских отношений в XX веке, которые целиком и полностью отвергают выдвигаемые им положения. Олег Кен, Сергей Случ (работы этого молодого историка из Москвы вызывают у Мельтюхова особую ярость), Наталья Лебедева, Владимир Невежин – к этим именам можно добавить еще много других, которых автор «Советско-польских войн», быть может, нарочно обходит стороной – их опубликованные в последние годы работы доказывают, что современная российская историография может научным, объективным образом справиться с самыми трудными, даже с самыми болезненными вопросами, касающимися взаимных отношений поляков и россиян в XX веке. Книга Мельтюхова в этом контексте звучит как злое memento.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. Издательство «Вече». Москва, 2001. 464 с.